

БОРИС
СОЛОНЕВИЧ
ТУХАЧЕВСКИЙ
ГИБЕЛЬ
КРАСНОГО
БОНАПАРТА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Борис Солоневич

**Тухачевский. Гибель
красного Бонапарта**

«Алисторус»

2026

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)

Солоневич Б. Л.

Тухачевский. Гибель красного Бонапарта / Б. Л. Солоневич —
«Алисторус», 2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-464-8

Михаила Тухачевского часто называли «красным Бонапартом»: он сделал головокружительную военную карьеру — в 26 лет стал командующим армии, в 32 года — начальником штаба РККА, в 42 года — маршалом, заняв должность заместителя наркома обороны СССР. Однако в 1937 году его карьера неожиданно оборвалась: Тухачевский был расстрелян по обвинению в заговоре с целью устранения Сталина и захвата власти. Борис Солоневич — русский писатель и публицист, младший брат известного общественного деятеля и писателя Ивана Солоневича — воссоздает в своем документальном романе последние месяцы жизни Тухачевского. В центре книги — противостояние между Тухачевским и Сталиным, которое автор рассматривает через призму национальных интересов России.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-00269-464-8

© Солоневич Б. Л., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

На переломе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Солоневич
Тухачевский. Гибель красного Бонапарта

© Солоневич Б. Л., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

На переломе

Два молодых, стройных, подтянутых красноармейца, казалось, перестали дышать, когда вдали по коридору, устланному мягким красным ковром, ровно в 9 часов послышались быстрые уверенные шаги. Подошедший к площадке у лестницы, моложавый, чисто выбритый, хорошо выправленный военный с двумя орденами Красного знамени и золотой звездой на воротнике мундира приветливо кивнул часовым головой и коротко сказал:

– Здравствуйте, товарищи!

Красноармейцы тихо и дружно бросили свое строевое «Здрасссс, товарищ маршал» и опять замерли. Маршал легко взбежал по лестнице и, после нескольких поворотов коридоров, уставленных пальмами и цветами, остановился перед дверью, на которой была надпись золотыми буквами:

«Первый заместитель Народного Комиссара Обороны СССР, маршал М. Н. Тухачевский».

Когда он вошел в комнату, из-за широкого стола, уставленного телефонами, поднялся худощавый, невысокий молодой командир с умным, тонким лицом. Это был адъютант маршала Тухачевского – Смутный.

– Здравствуйте, Иван Алексеевич, – приветливо сказал маршал.

– Здравствуйте, Михаил Николаевич, – просто ответил Смутный, пожимая руку начальника.

По спокойным дружелюбным интонациям голосов обоих чувствовалось, что маршала и его адъютанта связывают долгие годы совместной работы. И в самом деле, хотя Смутный из-за своей молодости не был участником гражданской войны, тем не менее, он уже более десяти лет был бессменным адъютантом Тухачевского – как командующего округом, начальника военной академии, начальника генерального штаба и, наконец, замнаркома обороны.

Эта долгая совместная работа связала их не только тесными служебными, но почти и дружескими узами. Оба были – как хорошо пригнанные и смазанные колеса одной машины.

– Много набралось для доклада?

По тону маршала Смутный понял, что тот сегодня «не в ударе», что его мысли далеки от бумаг и службы. И действительно лицо Тухачевского было задумчивым и каким-то ушедшим в себя.

– Бумаг хватает, – мягко ответил адъютант и, ловя настроение начальника добавил – Но особо срочных нет.

– Вот и хорошо. А кто на прием?

– В 10 часов товарищ Уборевич. В 10.45 товарищ Дегтярев из ТОЗ. В 11.15 товарищ Гамарник.

– Ну, ладно. Пока что, Иван Алексеевич, отложите свой утренний доклад. Я хочу побыть один и кое-что прикинуть. И выключите мои телефоны, чтобы меня не беспокоили.

Последние слова Тухачевский произнес без ударения, но Твердым командным тоном. Вышло это у него естественно и непринужденно, но Смутный почувствовал, что эти спокойные слова – приказание не Ивану Алексеевичу, почти другу, а адъютанту и по службе. Поэтому он коротко, так же по служебному ответил:

– Есть, товарищ маршал!

* * *

В своем роскошном кабинете, обставленном старинной мебелью красного дерева, батальными картинами русской истории, шкафами с книгами, мягкими креслами и чудесным персидским ковром, Тухачевский не сел за свой большой письменный стол. Он зажег старую привычную трубку, раскрыл окно и стал рассеянно смотреть на пеструю панораму утренней Москвы, еще окутанной туманом. Советская Россия летом жила, переставив часы на 2 вперед, поэтому воздух еще был напоен радостной утренней свежестью и дали были покрыты светлыми полосами испаряющейся ночной росы.

Михаил Тухачевский, 1921 год.

Тухачевский смотрел и не видел чудесной красоты утра. Его мысли с напряжением сложной, тонкой машины решали какое-то трудное уравнение со многими неизвестными. Тухачевский знал, что война с Западом так или иначе, рано или поздно – неизбежна. Какая будет война – еще не ясно. Но она будет!.. Но если военная гроза обрушится на страну, когда та находится в состоянии внутренних потрясений? Тогда что? На далеком востоке военной бури еще, может быть, можно было избежать: слишком глубоко была заинтересована задыхающаяся на своих островах Япония в Китае, чтобы бросить свою судьбу на весы еще в одной войне с СССР. Ведь Красная армия 1936 года – это не отсталая и устаревшая, по своему вооружению и командованию, армия Николая II. Да и до Токио от Владивостока только 20 минут лету... А ничто реаль-

ное, экономическое не давило Японию в сторону войны с Новой Россией. Ведь сбоку Китай – несравненно более близкая и легкая добыча. Страна, подходящая по климату изнеженным постоянной теплотой сынам Ниппона... Нет, не с востока нужно ждать грозы. Запад страшнее!

Маршал подошел к карте. Странными зигзагами шла линия границ распухшей Польши, жадно ухватившей куски исконных русских и германских земель. «Велька Польша от можа до можа»... К северному Балтийскому «можу» Польша уже пробилась, правда, на берег шириной только в 30 километров. А за чей счет хочет она прорваться к теплому Черному «можу»? Кто откажется от благодатной Украины, если... если только представится малейшая возможность силой включить ее в свои границы и потом «научно и исторически» доказать свое исконное право на эти земли?

Тухачевский усмехнулся и жестокая складка легла у его губ. Он вспомнил, как 16 лет тому назад, молодым 28-летним главнокомандующим армиями Советской России, рванулся он на эту заносчивую и жадную Польшу, пытавшуюся, пользуясь революционной лихорадкой громадной страны, оттяпать втихомолку украинскую жемчужину. Ленин тогда дал ему простое задание: «Прощупать красным штыком пузо панской Польши, да так, чтобы этот штык вошел в Варшаву, а вышел прямо на Рейне». И почти сбылось пожелание Ленина. Бурной громовой волной покатались красные армии на Варшаву. Казалось, что ничто не в силах спасти польскую столицу. Разбитые армии неудачливого маршала Пилсудского отступали темпом, близким к отчаянному бегству.

Летом 1920 года судьба Польши и Европы висела на волоске. И волосок этот тянулся на юг, куда бушующим ураганом неслась Первая конная Буденного со Сталиным и Ворошиловым, членами Реввоенсовета. Эта армия должна была от Брод круто повернуть на север к Варшаве, для поддержки главного удара Красной армии. Вместо этого она рванулась на юг, богатый польский юг. Напрасно давал Тухачевский телеграмму за телеграммой остановить стратегически бесполезный эффектный набег на Львов и поддержать его основным удар на Варшаву, где решалась судьба всей кампании. Сталин только насмешливо отмахивался в ответ на приказы командующего фронтом и продолжал свою бешеную скачку на юг.

И когда на волнах эфира прилетел, наконец, категорический и свирепый (с угрозой расстрела!) приказ самого Ленина (а он умел приказывать и наказывать!), матерясь и проклиная все и вся, так и не добравшись ни к богатой добыче, ни к европейской славе, Буденный бросился к Варшаве, – было уже поздно. Оправившаяся кавалерия Галлера остановила его под Замостьем. Когда он все же прорвался к Варшаве, то застал армии Тухачевского в отступлении. Несколько часов опоздания оказались роковыми. История уже перевернула свою страницу. Опытный, спокойный стратег, французский генерал Вейган, прилетевший из Парижа на выручку, угадал слабое место растянувшихся в бешеном напоре армий «красного Бонапарта» и ударил отчаянным ударом собранных в кулак последних сил в место слабого стыка, по тылам армии Хведина, в прошлом саратовского парикмахера. Свершилось, как говорили после поляки, «Чудо на Висле».

Тухачевский скрипнул зубами, вспомнив страшный разгром своих армий. Только несколько километров оставалось до Варшавы. Не будь тогда влияния этого хитрого, себе на уме, честолюбивого грузина, толкавшего простецкого Буденного на завоевание собственной славы, история сложилась бы иначе... Иногда грамм, сантиметр, секунда, слово, жест, короткое решение – решают судьбу... Пусть потом, после разбора причин неудачи самим Лениным, Сталин был отстранен от военного руководства, а Ворошилов получил взбучку, но того, что было потеряно – удачного момента и ситуации – не воротить назад.

Ну, а теперь? Польша, правда, та же. То же самоуверенное, панское чванство, тот же хаос, та же внутренняя борьба в стране. Нет, Польша не страшна теперь. Но за ее спиной выросла крепкая сила новой Германии. За декоративной стеной хвастливых польских орлов наливается военной силой громадная страна, обойденная на мировом пиру, затаившая обиду, злобу

и ярость, и готовая на все усилия, на все жертвы. У нее отняты колонии и она жаждет земли. «Дранг нах остен» становится все яснее и яснее лозунгом просыпающейся активности и агрессивности новой Германии.

Старые идеи тевтонского владычества над «диким славянским востоком» опять проснулись в стране, лихорадочно подстегивающей деторождение и «пушкорождение». Для избытка народонаселения Германия не видела иного выхода, как отобрать «Лебенсраум», – жизненное пространство, – у других... Принцип морали каннибала царствовал в государственной политике наци: «зло – это когда у меня украдут и добро – когда я сам украду»...

Но не его, полководца, дело было разбираться в таких щекотливых тонкостях. Пусть дипломаты и политики судят, когда объявить войну, философы – как оправдать ее, а журналисты и поэты – как зажечь боевой огонь. Его дело, дело военного организатора, думать о том, чтобы армия была готова к наступлению и обороне... Но если война неизбежна, то готова ли уже Россия к этому страшному испытанию?..

Что касается техники вооружений, Тухачевский готовил Красную армию к предстоящим кровавым испытаниям со всей своей энергией и способностями. Но духовно – что теперь собою представляет и что думает русский народ, – особенно молодежь? Что зреет в его душе?..

Вот какие мысли жгли маршала Тухачевского. Он чувствовал свою силу и был беспредельно уверен в себе. Разве он не был героем беспримерных пяти побегов из тяжкого германского плена? Разве не был он 26-летним юнцом единогласно назначен кремлевским военным советом главнокомандующим армии?..

Нет, не в недостатке сил и мужества был вопрос, а в том, куда направить эти силы? В каком политическом направлении пойти, чтобы быть уверенным, что за ним, блестящим маршалом Тухачевским, пойдет теперь та самая молодежь, которая не боялась ни Бога, ни чёрта, ни даже тяжелой руки мрачного грузина, ощутимой в жизни более близко, чем Бог или чёрт?..

* * *

В дверь постучали и вошел Смутный.

– Десять часов, товарищ маршал. Командарм Уборевич здесь.

– Ага, – довольно воскликнул Тухачевский с оживившимися глазами. – Проси его ко мне.

Между Тухачевским и командующим войсками Белорусского военного округа была старая дружба, еще с времен великой войны. Как и Тухачевский, Уборевич был скромным молодым офицером, когда грянула Октябрьская революция. Оба они отдали свои шпаги новой власти. Уборевич был человеком несколько иного стиля, чем Тухачевский: менее честолюбивым, менее талантливым в военном деле, но зато чрезвычайно усидчивым, настойчивым и влюбленным в военную технику. Он чрезвычайно высоко поставил свой пограничный округ в области подготовки, что без особой радости, но объективно подтверждали даже его западные соседи. Именно Уборевич был основным «микробом» усиления военной техники и моторизации Красной армии, и после победы его идей, он был теперь вместе с Тухачевским душой этого преобразования.

Не встречая поддержки своим идеям среди героев гражданской войны, случайных военных – Ворошилова, Щаденко, Буденного, Дыбенко и др., – для которых яростный безоглядный напор и революционный энтузиазм оставались главным оружием армии, Уборевич еще в 1931 году осторожно и умело подготовил группу выдающихся военных во главе с Блюхером – «генералом Немо» – для доклада Сталину. В результате этого доклада Сталин, убежденный в том, что необходим поворот в сторону реорганизации, технизации, моторизации и пр. армии назначил Тухачевского, самого выдающегося красного полководца, заместителем Ворошилова и дал свое согласие на коренную ломку в подготовке армии.

На место старого лозунга красных партизан, в свое время выигравших гражданскую войну, «овладеть большевизмом» выдвинулся новый: «овладеть боевой техникой». Политика стала отодвигаться на второй план. Люди боевой техники, люди организации и дисциплины стали выходить вперед. Старые рубаки времен гражданской войны смотрели весьма косо на усилия и выдвижение новых «военспецов» и каждая их победа – новый миллион рублей по смете, каждый новый вид оружия, каждое усиление техники в ущерб политруку, шашке и штыку, – доставался в постоянной борьбе на заседаниях Военного совета. Подготовке такого рода борьбы на очередном заседании Военсовета была посвящена и сегодняшняя встреча старых друзей.

Член РВС СССР и командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич.

Уборевич, маленький, сухой человек, с вечно дрожащими стеклами пенсне, был известен, между прочим, тем, что никогда весело не смеялся и почти никогда не улыбался. Теперь, здороваясь со старым другом, он легонько усмехнулся. Тухачевский знал, как это много значит, и дружелюбно похлопал его по плечу.

– Здорово, здорово, старый зубр... Что, брат, скоро, Бог даст, твою родимую Беловежскую Пущу назад от поляков отберем? А?

Уборевич, белорус, уверенно качнул головой.

– Ну, конечно, Миша. Неизбежное – неизбежно. Разве нормально, чтобы часть исконных русских – земель и русского племени была долго под панской властью? Отберем, Миша! Дай только срок. Вырвем обратно с мясом.

Тухачевский с видимым удовольствием слушал голос друга. Он быстро достал из бокового шкафа бутылку старого коньяку и налил две стопочки.

– Ну, Иероним, глотнем по маленькой, дружище, чтобы мозги просветлели. Твое здоровье.

– Твое, Миша...

Через несколько минут они оба с напряжением вглядывались в чертежи и схемы, привезенные Уборевичем. Через несколько дней предстоял доклад сражение в Военном совете о пятилетнем плане военной промышленности.

– По вопросу об авиазаводах, сам понимаешь, Миша, – тихо и серьезно говорил Уборевич, – нам нужно другой упор делать – не на военное самолетостроение, а на гражданское. Военных самолетов впрок запасать – дело ненужное. Только трата денег и материалов. В этой области такой постоянный прогресс, что каждые 2–3 года старые типы самолетов уходят в прошлое, устаревают безнадежно. Здесь нам нужно сделать упор на гражданскую авиацию и подготовку пилотов. И поставить дело так, что при нужде все это могло бы быстро перестроиться на военную ногу и на военные нужды. Тут вот, – Уборевич показал на карту схему, – наша авиаиндустрия все больше и больше должна перебираться на восток. На Урал и дальше. Именно там будет центр авиапромышленности. Имея всегда новейшие модели и следя за прогрессом самолетостроения за границей, мы всегда, в любой момент можем наладить серийное изготовление воздушного флота – «последнего крика небесной моды»...

– А с Туполевым ты говорил уже по этому вопросу?

– Конечно. Это больше его проекты и есть. Он, кстати, обещает еще много сюрпризов в области авиаконструкции. Ведь после триумфа его машин в перелетах по Европе и в Америку его слава сделалась мировой. Да и верно – строит он великолепно – иностранцы завидуют.

– Ну, теперь слушай относительно танков. С этим дело легче. Тут прогресс моделей много медленнее, да и оружие более массовое. Смотри – вот чертежи и планы, как наши колхозные тракторы в броню одеть и вооружение ставить. Путиловцы и фордзоны пойдут тягачами в артиллерию, а все гусеницы – на танки. Конечно, кое-какие изменения в конструкции тракторов, особенно в катерпилларах, потребуются и по этому поводу мы с тобой будем иметь еще один лишний бой.

Тухачевский молча пожал плечами.

– Правда, это дело привычное. Теперь смотри дальше. Мы имеем на наших полях около 210 000 тракторов, на треть катерпилларов челябинского, харьковского и сталинградского заводов. Годовое производство машин доходит до 40 000 штук. Нужно его еще усилить, тем более, что это совпадает с интересами сельского хозяйства. Это же сельское хозяйство отблагодарит нас запасами продовольствия, рассчитанными на длительную войну. Теперь, брат, коротеньких войн что-то не бывает. Ерунда все эти «блиц криги»! Все годами, как в Китае, например... Нам ведь нужно предполагать худшее и готовиться к нему. Мы не Ренненкампы, которые в августе 1914 года руку давали на отсечение, что через 4 месяца будут в Берлине!

Друзья негромко рассмеялись. Тухачевский указал на ожидающую стопочку коньяку.

– Да, что и говорить, генералы были – презрительно протянул маршал. – Сколько молодежи даром погубили, но своих рук, небось, не отрубили. Ну, да чёрт с ними... Словом, Иероним, по всем твоим вопросам предстоит неминуемая драка? И с хозяйственниками, и с нашими «красными генералами»?.. Ох, брат, беда с этими нашими сиволапыми героями. Это все люди с отдавленными мозолями. Гонору на рубль, а знаний на копейку. А кругозора и того меньше. Веришь – Сталину докладывать, – одно удовольствие. Он помолчит, пососет свою трубку и

скажет коротко, но толково. А вот Климу докладывать... Пока в его упрямую башку что-нибудь вдолбишь – ярость вспыхнет. «Вожжи»... Им бы, в лучшем случае, ротой командовать, да и то в гражданской войне... Им всем думать – мука мученическая. Им все бы – «В атаку, ребята! Что там смотреть!..» Хоть на пулеметы. А об малой крови они и не думают. Телами завалить, кровью залить! Вояки. Все бы «на ура»... Хорошо, что Клим теперь в отпуску, со всем своим гаремом. Где-то в Сочи. Нужно воспользоваться моментом и все важное проверить без него.

– Ничего, Миша, – уверенно и спокойно откликнулся Уборевич. – Все равно наша возьмет. История на нашей стороне.

– «История». А знаешь, как говорят на Украине – «доки сонце взийде – роса очи виийсть»... Историю, брат, иногда и подталкивать нужно. История... А что, если, например, наш Ягода вздумает и у нас, в армии, свои процессы устраивать? А? Что тогда? Сам понимаешь: армия – это последний ресурс страны, последняя защита, наше богатство. Партия разгромлена. А что, если теперь к нам лапы Ягоды потянутся?

Последнюю фразу Тухачевский произнес пониженным тоном и испытующе поглядел на своего друга. Тот опять ответил ему понимающим взглядом и пожал плечами.

– Да... Избави Бог. Мы сумели поднять армию на европейскую высоту. Но если ей устроят вивисекцию, как ленинской гвардии, пропали все наши труды...

– Вот то-то и оно, – глухо сказал маршал, молча налил еще по стопке коньяку и придвинул другу ящик сигар. Собеседники, отойдя от стола, заваленного бумагами, удобно расположились в мягких кожаных креслах и молчали несколько минут.

– Вот то-то оно и есть, – тихо повторил, наконец, Тухачевский, посасывая трубку и словно отвечая на мысли обоих. – Выходит, брат, не очень весело... Ко мне вот через час придет Гамарник, согласовывать инструкции ПУР'а – объяснения, почему, мол, расстреляны Зиновьев и Каменев и прочие из числа «красы и гордости революции». Простой пролетарской голове это не так просто объяснить. Да и можно ли объяснить эту гнусность вообще?... А если эти Ягоды, Вышинские да Ульрихи вздумают такие процессы и среди командиров устраивать – что тогда? Так и смотреть?

Уборевич ответил не сразу. Молча опустив глаза, он медленно выпил свою рюмку, пыхнул сигарой и потом прямо посмотрел на Тухачевского. Он понял мысль маршала: нужно во что бы то ни стало, любыми способами не допустить «мирного разгрома» армии, защитницы страны, в усиление которой они оба вложили столько сил. И в бой за армию против сил НКВД, против экспериментов Сталина, нужно было внести всю изворотливость, решительность и стойкость. Вплоть до действий революционного характера... Другим не нужно было много говорить. Коротенькое слово «понятно» – было исчерпывающим. Тухачевский протянул руку Уборевичу. Тот, медленно поднявшись, отложил сигару и открыто и крепко пожал протянутую руку маршала. Они знали друг друга.

* * *

В этот момент в дверь постучали и вошел Смутный.

– Товарищ маршал. Мастер Дегтярев из ТОЗ прибыл на вызов.

– Это хорошо. Останься, Иероним. Поглядим вместе на его чертежи и образцы...

Через минуту в кабинет степенно вошел высокий благообразный старик с окладистой седой бородой – мастер тульского оружейного завода, знаменитый конструктор ручного пулемета, одного из лучших в мире. Едва грамотный, влюбленный в свое оружейное дело, старик Дегтярев более пятидесяти лет пробыл в Туле, отдав свою жизнь и свои силы конструкции оружия. Теперь он привез Тухачевскому на утверждение чертежи и образцы новой полуавтоматической винтовки.

В ответ на поясной поклон старика, Тухачевский приветливо пошел ему навстречу, пожал руку, представил Уборевичу и предложил рюмку коньяку.

– Спасибо на добром слове, – медлительно поблагодарил Дегтярев, – а только мы – старообрядцы. Не пьющие и не курящие сызмальства. Так что не обессудьте, товарищ маршал.

– Ладно, ладно. Как хотите, товарищ Дегтярев... Предложил по-дружески. Покажите, что вы нам привезли.

Дегтярев, отложив в сторону образец винтовки в чехле, разложил на столе свои чертежи. Оба военных с интересом склонились к листам. Дегтярев давал объяснения.

– По весу ружьишко будет малость тяжелее, но самую малость – только на 850 грамм, ежели без штыка и магазина. А магазина два – на 10 и 15 патронов. Какой, мол, хошь.

– А почему не на двадцать? – чуть усмехнулся Уборевич.

– А потому, что зря это. Лишнюю тяжесть нужно не на винтовке, а на себе носить. Переменить магазин, – от силы, – 12 секунд. Практика показала, что лучше чаще менять магазины, чем загружать оружие патронами. Скорость стрельбы для рядового бойца – 25 в минуту. Ежели хорошо тренирован – до тридцати. Специалисты, снайперы и до сорока дотянуть могут.

– Правильно. А теперь покажи свой образец.

Дегтярев вынул из чехла пробную винтовку. Она была сделана вручную и не имела еще настоящего ствола, но все отдельные части были выточены так точно, аккуратно и чисто, что Тухачевский и Уборевич долго с чувством, понятным только военным, вертели винтовку во все стороны, обмениваясь одобрительными замечаниями.

– Очень хорошо, товарищ Дегтярев, – сказал, наконец, Тухачевский. – Прикладистая машина у вас вышла, слова не скажешь. А как со штыком?

Мастер скривился с каким-то недовольным видом.

– Да признаться, товарищ маршал, не лежит у меня сердце, чтобы к такой деликатной машине штык приделывать! Какие уж штыковые бои в нонешних войнах?

Тухачевский взглянул на Уборевича и усмехнулся.

– А правильно старик рассуждает! Вот если бы у нас в Реввоенсовете такие ясные головы были... А только придется товарищ Дегтярев, штык к вашей винтовке, все-таки, предусмотреть: очень уж наши герои гражданской войны за штык, приклад и шашку держатся. Нужно им уступить будет... А как, кстати, с телескопом для снайперов?

– А вот тут, товарищ маршал. Пазы и стопоры. Телескоп сюда вот вдвигается. И рукоятка не мешает – она без поворота движется, как в старой австрийской винтовке.

И чертежи и образец были просты и понятны. Тухачевский и Уборевич, привыкшие за линиями чертежей и за образцами видеть воплощение данной идеи, уже представляли себе необозримые ряды красной пехоты, вооруженной новой винтовкой. Они ставили своей задачей обогнать в технике все армии мира и ввести новый полуавтомат во всей красной армии, дать его в руки каждому бойцу. Новая винтовка, заменившая собой старую, простую пятизарядную, давала пехоте громадное усиление огневой мощи. Только бы справилась страна с таким финансовым и техническим напряжением. Ведь нужны миллионы и миллионы нового оружия... Оба командира знали все образцы иностранного оружия подобного типа и ясно видели преимущества новой винтовки, сконструированной простым мастером. Они довольно переглянулись.

– Прекрасно, товарищ Дегтярев. А сколько нужно вам времени, чтобы изготовить первые 20 штук для производства огневых испытаний?

Мастер не спеша погладил свою окладистую бороду.

– Да, как вам сказать, товарищ маршал. Ежели не спеша, по-хорошему, без гонки – то месяца два...

Тухачевский невольно улыбнулся: очень уж в окружающей его, подтянутой, четкой военной обстановке этот старик был оригинален и даже комичен.

– Хорошо. А если сделать по-хорошему, но спеша? Тогда как?

– Ну, что ж. Парочку недель сбросить можно.

– Не выйдет. Давайте не будем торговаться. Я дам приказ ТОЗ об оказании вам всякой поддержки, но образцы винтовки должны быть готовы через месяц. Как, товарищ Дегтярев?

– Ну, что ж? Раз ежели приказ – так какой разговор? Сделаем!

Столько было спокойной и степенной уверенности в ответе старика, что командармы опять переглянулись и улыбнулись.

– Ну, вот и хорошо. Только позаботьтесь хорошенько, чтобы качество тоже был отличное. Не забудьте: эти образцы мы проведем через суровый экзамен сравнение. Ваша новая винтовка встретит соперников со всех концов мира – Росса, Маузера, Энфильда, Арисаку, Спрингфильда, Гаранда и нашу старую винтовку. Нам нужно, чтобы новый полуавтомат не только давал большую скорострельность и был удобнее в бою, но чтобы его меткость была на нужной высоте. Ручаетесь?

Мастер опять степенно повел плечами.

– Ну, я то что – я человек маленький. За меня 50 лет ручаются. А вот завод, чтобы не сплюховал.

– ТОЗ то? Краснознаменный? Да, кстати, я дам распоряжение тем ударникам, которые ваши винтовки делать будут, особый паек выдать. Так им и скажите, товарищ Дегтярев. И все, конечно, в секрете держать. Для нас срочное и хорошее выполнение этого заказа имеет чрезвычайно большое политическое значение. Я хочу потом первую партию винтовок послать на настоящее боевое испытание в Испанию.

7,62-мм пистолет-пулемет системы Дегтярева (ППД).

– Есть, товарищ маршал. Будет выполнено. А только...

Старик остановился в нерешительности.

– Ну, что «только»?

– А только... Разрешите, доложить, товарищ маршал, по совести, не по службе...

– Говорите, товарищ Дегтярев.

Тухачевский зажег потухшую было трубку и с любопытством поглядел на старого мастера. Тот колебался.

– Говорите откровенно, дорогой товарищ. Не бойтесь.

– Да не то, что я боюсь... А только объяснить это трудно... Вот, скажем, товарищ маршал, мои новые ружья. С какой такой радости будем мы наше оружие в Испанию давать? Что они, эти испанцы, нам сваты или братья?

Тухачевский весело рассмеялся. Даже на сухом лице Уборевича отблеск улыбки проскользнул яснее обычного.

– Так вам, значит, товарищ Дегтярев, жаль испанцам оружие посылать?

– А вестимо жалко. Не такие уж мы богатеи, чтобы чужим свое добро выбрасывать. Ведь для новой винтовки сколько миллионов пудов металла понадобится. Это же наше богатство.

Народное, кровное, расейское... Верите, товарищ маршал, в деревнях сковород, пил, топоров – ничего такого нет. А тут наш металл – пожалте – каким-то испанцам. Да, почему это такое? Разве ж это справедливо? Мы тут надрываемся, новую жизнь строим, а тут?.. Ведь и без того нам не так уж легко... Ведь все на войну, да на войну. И силы, и металл, и время, и труд. Разрешите мне по совести, по-стариковски, сказать вам, товарищ маршал. Право, пролетарии и в деревне, и в городе сумлеваются. Неужто в самделе для войны так много нужно? Нам бы ведь теперь спокойно жить начать, бедность нашу превозмочь, а не все к войне, да к войне готовить. Вы уж простите, что я так прямо, по-стариковски, сказал, да только наболело все это...

Тухачевский взглянул на Уборевича и оба поняли старика.

– А видите ли, товарищ Дегтярев... Как вас по имени, отчеству?

– Платон Евсеич.

– Да, Платон Евсеевич... Нам тоже все это нелегко для всех объяснить. Военное дело, сами знаете, молчаливое дело. Не можем мы кричать, что враги и какие именно на нас броситься собираются... Вы – человек старый, бывалый. Помните, как ни в японскую, ни в великую войну Россия не была готова. И сколько из-за этой неготовности зря положили людей... Ну, так вот, теперь нам грозит война еще более страшная. Это я вам лично говорю, Платон Евсеевич. Как старому, опытному человеку, нашему конструктору. И не для пересказа дальше... Так вот и думаем все мы, – кого страна поставила защиту подготовить, – что лучше уж быть сильнее, чем слабее. Так ведь?

Внимательно слушавший старик, медленно кивнул головой.

– Это точно. Такого позора, как под Цусимой, да в Восточной Пруссии, да под Карпатами нам более не надоть.

– Вот вы и сами это чувствуете. А теперь ведь война изменилась. Теперь нужно воевать не столько кровью, сколько металлом... И если крестьянину теперь кос не хватает, зато в будущей войне он не будет вынужден с голыми руками на пулеметы лезть. А насчет Испании вы не беспокойтесь – много мы туда не даем: самим нужно. Для нас Испания вроде военного полигона: проверка нашего нового оружия. И если на той войне, на чужой крови, выяснятся недостатки наших самолетов, танков, оружия – мы тогда заблаговременно до нашей войны сумеем все нужное исправить и наладить. Мы туда не столько ребят, сколько свои машины посылаем. Товарищ Сталин дал ясную директиву, утверждая план помощи Испании – «подальше от артиллерийского огня»... Так что, для нас Испания это только проверка нашей подготовленности. Вы, как старый, бывалый человек, знаете, что недостаток подготовки в мирное время – на войне кровью оплачивается... А мы хотим народную молодую кровь сохранить. Пусть лучше теперь пот и даже слезы льются, чем потом кровь. Вот поэтому мы теперь и не боимся напряжения, и хлеб и нефть запасаем. Потом поздно будет... Конечно, простой народ этого понять, не может. Ему, – как говорится, – «вынь, да положь». Ну, мы все о будущем думать должны. Спасибо вам, Платон Евсеевич, что вы мне откровенно про ваши сомнения сказали. Я вам тоже так же откровенно отвечаю. Если вам случится, – потолкуйте обо всем этом с вашими рабочими. Вам ведь теперь ясно, почему такое напряжение необходимо для страны.

Старый мастер с чувством уважения и благодарности поглядел на серьезное, твердое лицо Тухачевского.

– Чего ж тут не понять? Все понятно, Ваше Превосходительство, товарищ маршал (Тухачевский и Уборевич переглянулись, скрывая улыбки), а только... вправду ли война так близко?

Тухачевский поглядел на стенные часы и стал выбивать трубку.

– Ох, Платон Евсеевич, – вздохнул он. – Рад бы вам сказать в этом отношении что-либо утешительное, да совесть не позволяет. Хорошо, если еще лет пяток спокойно проживем, да и то вряд ли. Вернее, что много меньше... Понимаете теперь, почему я прошу вас ускорить изготовление вашей прекрасной винтовки?

Старик свернул свои чертежи, застегнул чехол, выпрямился и сурово ответил:

– Ежели надо, об чем тут речь. Заверяю вас, товарищ маршал, все будет, как вы приказали...

Когда за старым мастером закрылась дверь, военные поглядели друг на друга.

– Каков старик? Золото!.. Надо поскорее в ТОЗ телеграмму дать.

Маршал направился к своему письменному столу и, смеясь, сказал, указывая на свою автоматическую ручку.

– Это вот мой меч, которым я воюю...

– А знаешь, между прочим, что я о винтовке Дегтярева думаю? – спросил Уборевич.

Тухачевский поднял голову от стола, за которым писал.

– Ну?

– Да вот, недолго будут служить нам эти винтовки. Скоро их придется в архив сдать.

– Это почему? – удивленно спросил маршал.

– Видишь ли, Миша. Новая техника и тактика скоро иные задачи «царице полей» – пехоте дадут... Основную огневую работу тяжелые виды оружия делать будут. А пехота налегке будет. Ей дальше, чем метров на сто, и стрелять то не придется. С ручными пулеметами закрепляться будут.

– Ну, ты – известный фантазер, – улыбнулся Тухачевский. – А впрочем, – задумчиво протянул он, – может быть, ты и прав, как прав и Дегтярев насчет штыков, – все в архив сдадим.

Потом он тряхнул головой.

– Ладно, дружище! Так ты не забудь моих слов насчет армии. Присматривай среди своих командиров толковых ребят, которые... которые, словом, понимают. Стычка с Ягодой, боюсь, неизбежна и на армию попробуют накинуть петлю. Я тогда на дыбы стану: не за себя, за армию. Поддержи меня тогда!

– Понятно, – еще раз просто повторил Уборевич. – Прицел, Миша, у нас большой, русский. Как это где-то писалось: «Блажен, кто свой челнок привяжет к корме большого корабля...» Наш с тобой корабль – Россия. Его-то из вида не потеряем!..

Он еще раз крепко пожал руку Тухачевскому и вышел...

* * *

Через несколько минут маршал приветствовал в своем кабинете второго заместителя наркома обороны, начальника ПУРККА Гамарника. Это был высокий, худощавый, сутулый еврей с длинной, выхоленной, темной бородой и умными, мягкими глазами. Он принес Тухачевскому на согласование новую инструкцию политработникам армии о прошедших политических процессах.

Предложив гостю коньяк и сигары, Тухачевский погрузился в чтение. Перед ним замелькали стереотипные фразы и выражения: «презренные троцкисты», «бешеные, гнусные наемники капитала», «шпионы» и прочие. Почему, собственно, старая партийная гвардия, на двадцатом году победы Октября, стала вдруг «изменять» революции – в инструкции объяснено не было. Да и действительно, как можно было объяснить расстрел людей, связавших свои имена с «Алой принцессой революцией» еще во времена императоров; людей, прошедших годы тюрем, каторги, ссылок, работавших вместе с Лениным в критические времена 1917–18 годов и теперь «вдруг» оказавшихся предателями... Тонко улыбнувшись, Тухачевский поставил свои инициалы на проекте инструкции. По принятому порядку, все заместители Ворошилова заранее согласовывают между собой все важнейшие приказы и инструкции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.